

Александр МЕЛИХОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Слесарь Энской автобазы М. был с самого начала обижен отказом учащейся средней школы С. танцевать с ним. Но когда ему еще и открылось, как С. млеет в объятиях студента У., он подошел к С. и стряхнул ей в декольте пепел от сигареты. У., с этой минуты превратившийся в По-терпевшего, попытался оттолкнуть М., но М. уже приготовил финку в рукаве...

Будущий классик чистой математики П. попросил уже наполовину состоявшегося классика К. дать ему проблему для научной работы. К. предложил некую задачу из топологии косых произведений. П. в течение недели решил ее. «У вас ошибка!» – радостно вскричал К., едва только П. начал излагать ему решение. П. легко разбил возражения. «А, вот где у вас ошибка!» – обрадовался К. через минуту, и так повторялось много раз, пока К. наконец не признал задачу решенной. «Проблема оказалась не такой сложной, как я предполагал», – подвел он итог дискуссии. Оба участника этой истории крупнейшие ученые 20 века.

Гражданка Р. из поволжского города А., узнав, что дочь ее подруги вышла замуж за москвича, владеющего трехкомнатной квартирой на Тверской, оборвала двадцатилетнюю дружбу.

Шахид М., приблизившись к толпе неверных собак (имеются в виду люди), привел в действие свой пояс смертника.

Нигде не работающий Е. прохрипел: «Все бабы – суки!».

Романтический поэт Л. вздохнул о том, что в наше время любовь и верность невозможны.

Учащиеся профессионально-технического училища А., Б., В., Г., Д. долго и с наслаждением крутили телефонную будку стальной арматурой.

«Форумчанин» Ю. бешено колотил по клавиатуре, угрожая повесить за яйца оппонента, дерзнувшего утверждать, что яйца следует разбивать с острого, а не с тупого конца.

Провалившийся абитуриент Я. уверял, что теперь поступают только за бабки.

Национал-большевик Л., встречая довольных, счастливых людей, всегда испытывал невыносимое желание подложить динамиту им под стул.

Знаменитый философ Ш. сочинил убедительнейший трактат о том, что жизнь есть зло...

Что общего между ними, между гениями и дураками, между героями и злопыхателями? И те, и другие, и третьи, и четвертые мстят за поражение. Мстят за униженное самолюбие, за утраченное ощущение первенства, удачливости, принадлежности к избранному народу, за утраченную веру в женскую верность и справедливость мира – и кто-то «опускает» обидчиков (обидчиком может сделаться и целое мироустройство) только в собственном воображении, тем или иным способом обесценивая их победу, а кто-то готов истребить их и физически, хотя бы и ценой собственной жизни.

Обида побежденных, глобализация личной неудачи – вот источник всякой ненависти и всех философских и социальных теорий, оправдывающих эту ненависть. Отвергнуть мир, отвергающий то, что тебе дорого, – что может быть естественнее?

Когда эту ненависть испытываем мы сами или симпатичные нам люди, мы называем ее жадой справедливости, в людях несимпатичных мы называем ее завистью, но суть от этого не меняется – речь идет о жадности реванша. Правда, когда мы оскорблены и стремимся к компенсации не для себя лично, а для своей социальной группы, это чувство в большей степени заслуживает высокого имени Справедливость.

И тем не менее коллективный реваншизм является причиной несравненно более ужасающих бедствий, чем зависть индивидуальная. Поэтому, создав мир, где нет побежденных, мы уничтожили бы и все мировое зло. Ибо проигравшие всегда будут питать неприязнь к победителям и сочинять для самооправдания утешительные сказки насчет того, что проиграли они исключительно из-за своей честности и великодушия, а их враги победили только благодаря подлости и

бессердечию. Победенные всегда будут восхвалять себя и клеветать на своих обидчиков, если даже в качестве обидчика выступит целая цивилизация.

Но ведь побежденных нет только там, где нет борьбы, нет соперничества. А соперничество, конкуренция могут быть изгнаны из жизни лишь вместе с самой жизнью. Большевики изгнали конкуренцию из экономики – и люди начали ненавидеть друг друга за место в очереди или в коммунальной кухне, за должности, за привилегии... И все это безо всякой пользы для человечества. Тогда как конкуренция не только источник взаимного раздражения, но также источник прогресса, могучий стимул всяческих усовершенствований!

Пушкин когда-то заметил, что зависть сестра соревнования, а стало быть, дама хорошего рода, но я бы назвал зависть не сестрой, а скорее дочерью соревнования. Ибо всякое состязание рождает двух дочерей – Радость и Зависть, радость победителей и зависть побежденных. И первой, цветущей веселой красавицей, наслаждается лишь горстка счастливых, а второй, уродливой злобной горемыкой, приходится утешаться всем остальным (надеюсь, этот образ не покажется излишне смелым, если не понимать его чересчур буквально). Поскольку абсолютно в каждом состязании подавляющее большинство участников оказываются побежденными – на пьедестале почета могут разместиться лишь немногие, иначе победа теряет всякую ценность. Каждое состязание порождает горстку призеров и толпы неудачников.

Но почему тогда неудачниками, «лузерами» себя ощущают, слава те, господи, далеко не все? Скорее, даже меньшинство. Да потому, что разновидностей состязания чрезвычайно много: проиграешь в одном – выиграешь в другом. Которое при желании и можно признать самым главным. Бегун не завидует штангисту, а штангист шахматисту, но каждый имеет полную возможность поглядывать на остальных свысока: я самый быстрый, я самый сильный, я самый умный... Каждый уверенно стоит на собственном пьедестале почета, полагая его самым высоким пьедесталом мира.

Но ведь и в социальной жизни пьедесталов почета огромное множество! Домохозяйка может тешить себя тем, что у нее самые ухоженные дети, сельский житель – что дышит самым чистым воздухом, рабочий – что может спать спокойно, не беспокоясь о происках конкурентов, – и так далее, и так далее. В принципе каждой социальной группе необходима собственная субкультура, собственный пьедестал почета, у подножия которого даже проигравшие могли бы чувствовать, что по сравнению с остальным человечеством они все-таки удачлики, все равно они быстрее, сильнее, умнее всех за пределами своей избранной группы. Для этого-то субкультуры и создаются – для самовозвеличивания и самоутешения.

И рождаются они естественным порядком, без специальной организации, ибо заниматься самоутешением дело для человека более чем естественное. Он и выжил-то исключительно потому, что от начала времен скрывал от себя собственную мимолетность и бессилие всевозможными иллюзиями, начиная от самых наивных сказок и магических ритуалов и заканчивая изощреннейшими философскими системами и великими шедеврами искусства. Поэтому человеческая фантазия рождает утешительные субкультуры так же непроизвольно, как слизистая оболочка желудка выделяет желудочный сок – уже в самых простодушных народных сказках барин всегда оказывается идиотом, а мужик молодцом. И все, что требуется для того, чтобы утешительные образы сделались коллективными, охватили всю социальную группу, – это возможность делиться ими более или менее широкоохватно, а не только частным образом. Грубо говоря, каждой социальной группе необходимы собственные творцы утешительных грез – собственная литература, собственное кино, собственное телевидение...

Но предоставляет ли сегодняшняя жизнь что-либо, хоть отдаленно напоминающее эту картину? Нет, она действует ровно противоположным образом. Шкала успеха чудовищным образом упрощена, унифицирована... Прибыль сделалась почти единственным критерием успеха, критерием, обрекающим, как и любой монокритерий, подавляющее большинство людей на ощущение жизненной неудачи: если ранжировать человечество по любому монокритерию, подчеркиваю – по любому: по росту, весу, по щедрости, по красоте, по умению вычислять или играть на скрипке – все равно половина сразу же окажется ниже среднего. Вместо того чтобы максимально увеличить число пьедесталов почета, средства массовой информации, напротив, сосредоточиваются на одном, наиболее примитивном.

Рассмотрим всю окружающую нас символическую продукцию, от телесериалов до уличной рекламы, – много ли вы найдете «месиджей», сигнализирующих обычному человеку: «Ты счастливчик, тебе выпала удача родиться именно в своем регионе, обрести именно свою профессию,

жениться именно на своей возлюбленной»? Напротив, большей частью она делает все, чтобы разрушить все локальные воодушевляющие субкультуры, создавая впечатление, что счастье можно обрести лишь на микроскопическом столичном пятачке, и тем самым наводняя страну массами неудачников. А следовательно, и завистников.

Когда я в своей «Исповеди еврея» изобразил нищий шахтерский поселок как некий Эдем, это была не только ирония: в каждом таком Эдеме был свой силач, свой мудрец, свой богач — никто не состязался со Шварценеггером, Бором или Биллом Гейтсом. Ностальгия по Советскому Союзу связана вовсе не с тоской по равенству, а скорее тоской по избранности, ибо глобализация ценностей разрушила и продолжает разрушать множество уютных субкультур — национальных, профессиональных, региональных... — внутри которых люди могли ощущать себя удачниками.

Классические империи хорошо понимали: собирай подати, но не трогай культуру, не трогай тех наследственных иллюзий, которыми люди защищаются от совершенно обоснованного чувства своей ничтожности, — а униженность в социальном мире переживается так мучительно прежде всего потому, что она открывает нам нашу ничтожность в мироздании: социум защищает от космоса. Но либеральные империи и думать об этом забыли.

А между тем надо понимать, что от мести униженных и оскорбленных укрыться невозможно: даже те из них, кто не решится или побрезгует мстить победителям материально, неизбежно станут отвергать, обесценивать отвергнувший их социальный мир. И ничто не помешает им изобразить этот мир мерзким и несправедливым; сделавшись же таковым в глазах большинства, он неизбежно окажется обреченным на упадок, а в конце концов и на гибель. Дураков чем-то жертвовать ради его защиты больше не останется.

Сегодня серьезные люди много говорят об укреплении государства, долженствующего заботиться прежде всего о тех коллективных наследственных ценностях, которые не входят в круг приоритетных интересов индивида, — территория, природа, культура, демография...

Но воображаемая картина мира, в которой большинство населения чувствовало бы себя уютно, **ничуть не менее важное общественное достояние, чем чистая вода и чистый воздух**. Причем ничуть не менее их нуждающееся в защите. Чтобы государство начало оказывать поддержку тем, кто, сам обладая психологически комфортабельной для своей социальной группы картиной мира, получил бы возможность делиться ею с другими, — это греза, конечно, совершенно несбыточная. Если бы оно хотя бы перестало поддерживать разрушителей — уже и это было бы необыкновенно мудрым государственным решением.

Чтобы либеральные империи усвоили принцип культурного невмешательства еще и в международных отношениях — об этом тоже не стоит и грезить.

Или все-таки стоит?

Елена КРАСНУХИНА

ЗАВИСТЬ СПАСЁТ МИР?

Не знаю, спасет ли зависть мир. Знаю другое — что мир во многих отношениях на ней жидется. Что все попытки исправить или улучшить мир и человека всегда сводились к стремлению изменить его основание, создать другой мир и другого человека. А что, если другого мира нет и быть не может, а жить придется в этом весьма несовершенном мире? Тогда для улучшения жизни мы должны опираться на ее реальные условия. Это и есть позиция, которую я предлагаю: реализм вместо морализма. Соглашаясь с двойственной оценкой зависти, предложенной Александром Мелиховым в статье «Глобализация ценностей», я сосредоточусь на ее менее очевидных позитивных аспектах.

Под воздействием наследия толстовства, а также проповеди А. И. Солженицына, заключающейся в призыве «жить не по лжи», в российском общественном сознании укоренилась традиция морализаторства. Кто ж будет спорить, что добродетель лучше греха? Однако тезис о социальной эффективности исключительно морального поведения обладает лишь мнимой очевидностью. Что представляет собой индустриальное общество: ограничение и пресечение эгоизма или его

масштабную реализацию? Размышления Адама Смита о природе и причинах богатства народов привели к признанию общественной пользы эгоизма и алчности. Еще ранее английский писатель французского происхождения Бернар де Мандевиль в своем памфлете под названием «Басня о пчелах» изобразил сообщество существ, наделенных всеми добродетелями и абсолютно лишенных пороков, как не имеющее стимула к развитию и совершенствованию. Тем самым он настаивал на мысли о том, что человеческие пороки и дурные страсти могут служить движущей силой экономической и культурной жизни. А в наши дни эта идея находит свое выражение, например, в рекламном ролике сока «Rich», гласящем: «Все самое прекрасное на свете появилось благодаря любви. Любви человека к самому себе».

Философский взгляд на вещи всегда отличается от воззрения общепринятого, что проявляется, далее, и в утверждении Канта о том, что морально неблагоприятные страсти выполняют в общественной жизни две важнейшие задачи. Во-первых, эгоизм, алчность, властолюбие оказываются мотивом активной деятельности людей, пробуждают в них энергию соперничества. Во-вторых, в силу того, что эти универсальные пороки захватывают весь род человеческий, а стало быть, постоянно происходит столкновение индивидуальных проявлений корысти и честолюбия, становится возможным их самоограничение. Противовес моральным порокам обнаруживается в них же самих. Честолюбие, алчность и зависть наших конкурентов по жизненной борьбе создают трудности в достижении личных целей, что приводит к напряжению усилий и максимальному развитию способностей. «Да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливое, соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все природные задатки человека остались бы навсегда неразвитыми», – писал Кант. Тем самым он настаивал на том, что жизнь невозможна как беспрепятственность. На это можно было бы возразить, что, слава богу, не все люди оказываются завистниками и эгоистами. Но предмет спора остается актуальным: что радикальнее ставит препоны пороку – оттеняющая его добродетель или его же собственные противоборствующие проявления?

Если у Канта речь идет о социально конструктивной роли зависти, которая, будучи чувством неблагоприятным, порой способна защитить общество от слишком далеко простирающихся притязаний отдельных алчных честолюбцев, то современный российский менталитет склонен давать зависти однозначно отрицательную оценку. Она резко осуждается в любой отечественной дискуссии по социальным вопросам в качестве одного из худших пороков. Полагают, что зависть бедных к богатым мешает жить, причем и тем, и другим. Она мешает бизнесу, экономике развиваться. Вызывает революции и тем самым ведет к кризису и трагедии. Во всем виновата зависть бедных, а не жадность богатых – таков вердикт, такова современная мифологема.

Почему смысловые акценты именно таковы? Возможно, потому, что это форма нашего осмысления исторического опыта революции и ее трагических последствий. А возможно, что это новая идеология социальных слоев, имеющих экономические и политические преимущества и заинтересованных в том, чтобы им не завидовали и не мешали. Ведь резкое осуждение зависти исходит не от бедных, а от богатых страт и от либерально, а не социалистически настроенных идеологов.

Однако урок, который можно извлечь из философии Канта, заключается в том, что зависть – это определенная часть чувства справедливости, она может быть ее средством или инструментом. Зависть (наряду с законом и моралью) является барьером беспределу алчности. В самом деле, почему человек, принявший стратегию эгоизма, занимающийся только своим собственным благополучием и игнорирующий интересы других людей (а это очень узнаваемый тип социального агента), должен рассчитывать встретить доброжелательность, симпатию и помощь окружающих? Нет, он сталкивается с их недоброжелательностью, что как раз адекватно, симметрично, разумно и справедливо. Как свобода одного человека в цивилизованном обществе ограничивается не диктатурой, а свободой и правами другого человека, так и эгоизм одних индивидов сталкивается с аналогичными притязаниями других.

Алчность и зависть различны, но связаны как две формы эгоистического интереса. Алчность или жадность – это эгоизм, сконцентрированный на самом индивиде, а зависть – это эгоистическое чувство, направленное на другого человека. Зависть – это форма, порождение жадности. Зависть – это отношение неуспешной алчности к другой алчности, более преуспевшей. Если Александр Мелихов определяет зависть как обиду побежденных, то я хочу дополнить это определение взглядом на зависть как на жадность проигравших. Мы делим зависть на белую и черную. Белая зависть превращается в энергию собственной активности, а черная – в нанесение вреда

другому по хрестоматийному рецепту «пусть его корова сдохнет». Мы признаем социальную ценность только белой зависти. Однако социально эффективным может оказаться не только эгоизм-честолюбие, но и эгоизм-зависть. Зависть, конечно, является негативным чувством, неприятным и недоброжелательным. Однако известно, что идея социальной справедливости рождается от противного – в результате отрицательного эмоционального опыта столкновения с несправедливостью.

Что хуже – зависть или жадность? Зависть – это жадность неудачника. Мы знаем, что победителя не судят! Но неужели эгоизм неудачников осуждаем, а эгоизм богатых и власть имущих неподсуден? Достигший удовлетворения эгоист оказывается весьма достойным членом общества. Однако все не могут быть олигархами. Богатство все-таки зиждется не только на большей активности и талантливости одних людей по сравнению с другими, но и на неравенстве. Идея небажидности жадности постепенно превратилась в идею небажидности зависти. Любого субъекта социальной критики тут же подвергают сомнению: а вы не из зависти так рассуждаете? Так преуспевшая алчность оправдывает себя, обвиняя в порочности зависть, т. е. ту же алчность, но неудавшуюся.

Обратите внимание, кстати, как люди выбирают предмет своей зависти. Обычно это чужое богатство, имущество, власть, слава. В крайнем случае – счастье, удача, везение. Люди, как правило, завидуют тому, что в принципе можно заработать, заслужить, завоевать, на худой конец украсть. Что свидетельствует о практической жизненной ориентации завистников и о конструктивном моменте зависти. Хотя главная зависть, та, которую Фридрих Ницше назвал рессентиментом, должна быть направлена на то врожденное превосходство над нами других людей, которое как факт судьбы или божий дар, во-первых, ничем не заслужено его обладателями, а во-вторых, совершенно недоступно завистникам. Ведь можно присвоить чужие деньги, но нельзя украсть чужой талант. Есть достоинства неотчуждаемые, и именно они могли бы оказаться в эпицентре недоброжелательства по отношению к ближнему. Однако фигура завистника и ревнивца Сальери не является репрезентативной для выражения массового умонастроения.

Похоже, что Ницше в чем-то промахнулся, полагая человека рессентимента массовым представителем человеческого рода. Настоящая зависть к недоступным для него достоинствам и талантам других людей обнаруживает себя как способность редкая и элитарная. Большинство же представителей человеческого рода завидуют мелко и только тому, чего и сами могли бы при благоприятном стечении обстоятельств достичь. Чужие таланты, достоинства и отличия волнуют их только в том случае, если они конвертировались в известность и богатство, а не стали причиной всеобщего распространения оборота дела – жизни и смерти гения в нищете.

Завидуют всегда тому, чего не имеют, и одновременно тому, что есть у других. Казалось бы, это сближает зависть и желание, ведь обычно люди хотят того, чего у них нет. Однако настоящее желание представляет собой, на мой взгляд, уникальную способность продолжать хотеть то, что уже получил, чего достиг, чем обладаешь. Это и есть способность чем-то дорожить, утверждать ценность своей жизни, а не девальвировать ее желанием чужого и завистью к окружающим. А тот, кто хочет только того, чего у него нет, обращается в завистника.

Зависть многолика и, даже будучи пороком, способна приносить не только вред, но и пользу. Мы, конечно, хотели бы построить и личную и общественную жизнь только на добрых и светлых чувствах. Но вряд ли это возможно и даже вряд ли правильно. И разве в мире нет ничего достойного нашего негодования, презрения или зависти?